

Первушина Татьяна

МОНАСТЫРСКИЕ ТАЙНЫ

Женские методы частного сыска

Татьяна Первушина

Монастырские тайны

«Автор»

2022

Первушина Т.

Монастырские тайны / Т. Первушина — «Автор»,
2022 — (Женские методы частного сыска)

Седьмой детектив серии. К Яне и Маргоше, совладелицам детективного агентства «Два попугая», за помощью обращается некий Антон Дягилев. Его бывшая жена Настя около десяти лет назад ушла в монастырь при странных и весьма загадочных обстоятельствах. Настя изредка пишет бывшему мужу. В одном из писем она сообщает, что убита игуменья их монастыря. Антон, который читает между строчек, понимает, что Настя кого-то очень боится, и умоляет Яну и Маргошу начать свое расследование. Водоворот опасных приключений приводит сыщиц к раскрытию легендарной катакомбной тайны – последней хиротонии Святейшего патриарха Тихона.

© Первушина Т., 2022

© Автор, 2022

Татьяна Первушина

Монастырские тайны

Не все персонажи выдуманы, да и совпадения не случайны...

"Истинная Церковь не та, что гонит, а та, которая терпит гонения". Св. Иоанн Златоуст.

Пролог

Весна в тот год выдалась суровая...

25 марта (по-новому стилю, 7апреля) 1925 г., в Благовещение Пресвятой Богородицы на улицах Москвы было неприветливо и сыро. Природа, словно предчувствуя какое-то еще неведомое, но, увы, уже неизбежное несчастье, не сдержалась, расплакалась навзрыд и теперь никак не могла остановиться. В окна Бакунинской больницы хлестал косой дождь, гулко барабанил по крыше и пузырился в черных лужах на земле.

Мимо больницы изредка проходили хмурые люди, подняв воротники пальто и курток и засунув руки в карманы. Иногда кто-то, нечаянно ступив ногой в лужу и, промочив при этом и без того хлипкую обувь, разряжал серый застывший воздух проклятиями.

Придерживая на груди платок, по улице торопливо пробегали кумушки: в сторону близлежащей аптеки в Зачатьевском переулке, чтобы купить микстуру ребенку от простуды, или по направлению к церкви Спаса Нерукотворного Образа на Божедомке, что близ Пречистенки - поставить свечку за упокой души новопреставившегося родственника. И те и другие молча радовались при этом, что не все еще церкви в Москве были закрыты большевиками...

Так, в суе этого серого, ничем особым не приметного дня, москвичи, увлеченные своими заботами, не смогли разглядеть надвигающееся на Россию печальное событие... Пришло оно поздно вечером и по силе своей было колоссально.

...Без четверти двенадцать ночи Патриарх всея Руси, узнав, который час, у хмурого и настырного человека, сидевшего у его постели и надоевшего, словно осенняя муха, казенными расспросами, тяжело вздохнул:

- Так и не подвязали мне челюсть... Как я ни просил вас об этом...

- Святейший, - прервал настырный человек слабый голос умирающего, - скажите, не держите груз на душе, кому вы все-таки отдали жезл?

Патриарх ничего не ответил и лишь тяжело вздохнул:

- Скоро наступит ночь, темная и длинная...

Дважды перекрестившись, святитель Тихон поднял руку для третьего крестного знамения — и... его земной путь завершился.

Два дня назад одиннадцатый Патриарх, ослабевший и измученный болезнью, вернулся из храма Большого Вознесения на Никитской, в Бакунинскую частную клинику на Остоженке, куда был перемещен из своей «поднадзорной» кельи в Донском монастыре еще в январе на так называемое «лечение», под неусыпный надзор «товарищей» из ГПУ.

В «Большом Вознесении» он, несмотря на сильнейшие боли в опухшем горле (сказывалось неудачное удаление двух зубных корней стоматологом накануне), несколько часов служил праздничную литургию, последнюю в своей жизни, а также проводил официальную хиротонию.

И теперь, тяжело ступая и с трудом преодолевая все усиливающуюся боль и головокружение, Патриарх Тихон наконец-то взойшел на больничный порог.

В просторной светлой палате с видом на сад Зачатьевского монастыря все оставалось по-прежнему, как и до его отъезда в «Большое Вознесение»: мрачный человек у двери, в белом халате, небрежно накинутом на штатское; необыкновенная чистота простынь, запах лекарств и ладана; иконы, привезенные Святейшим из монастыря, которые в свете теплившейся лампы

бросали таинственные блики на стены; удобное кожаное кресло, висевшее в углу; маленькая тумбочка с медикаментами, на которую Патриарх старался не смотреть; небольшой письменный стол, за которым он работал, когда силы позволяли... А сил у него оставалось уже слишком мало.

Гонения на церковный мир, невиданная травля «красными сатанистами» самого Тихона в начале... Потом арест, тюрьма, иссушающая душу неизвестность, беспрестанные допросы, судебные разбирательства, ожидание расстрела. И наконец, когда его выпустили из-под ареста по требованию мировой общественности, больное сердце Святейшего продолжали ранить частые посещения «товарищей» из ГПУ, их нелепые требования о сотрудничестве и отречении от своих убеждений, несколько попыток покушения, гибель при одной из таких верного и преданного помощника

Патриарх, сняв клобук, грузно опустился на кровать, взял в руки небольшое зеркальце с прикроватной тумбочки и печально поглядел в него. С зеркальной поверхности на него смотрел глубокий старик, в глазах которого отражались физические и душевные муки. «Эх, Вася, Вася, что же с тобой стало... А ведь тебе всего-то шестьдесят, - устало подумал Тихон, - совсем еще ведь не старый, а жизнь уж кончена... Жаль, многое не успел, что задумал...»

Перед глазами словно промелькнула вся его непростая, полная опасностей и духовного напряжения жизнь...

Вот он еще мальчик, сын сельского священника, играет со сверстниками на лугу, но при этом зорко следит, чтобы не обижали маленьких ростом и слабым; вот Василий самозабвенно учится в семинарии и мечтает о всеобщем благоденствии.

После, в духовной академии, мечты его принимают более серьезный характер и превращаются в конкретные планы... Сокурсники в шутку придумывают ему уважительные прозвища: сначала «архиерей», а потом и «патриарх», как бы предугадавшие его особенную планиду... И все вокруг считают его безусловным любимчиком судьбы, который идет по жизни легко и споро.

Когда ему исполняется двадцать шесть лет, Василий принимает обеты девства, нищеты и послушания, чуть позже принимает постриг с именем Тихон, в честь Тихона Задонского и самоотверженно служит на благо православного христианства там, где приказывает ему судьба: в России, Польше, Америке, Канаде.

Проводит службы на церковно-славянском и английском, спасает от истребления святые мощи, пресекает церковные распри на корню, закладывает камни для новых соборов, преодолеывая при этом тысячи километров на лошадях, лодках или просто пешком.

- Господи, как быстро пролетела жизнь, - вздохнул Тихон, - словно приснилось все мне.

Взгляд его задержался на клобуке, украшенном бриллиантовым крестом, подарком Николая II за героическое служение Церкви Господней.

«Нет, пожалуй, не приснилось, - сам себя поправил Патриарх и вздохнул, - Господи, я готов к тому, чтобы было замарано и погребено имя мое, только бы Церкви и России была от этого польза».

Условный стук в дверь заставил его отвлечься от грустных и тяжелых дум. Сердце Тихона радостно забило: у порога стояли отец Серафим Поздеев, на которого Патриарх возлагал большие надежды, а вместе с ним и Сергей (Никольский), хиротонисанный Тихоном во епископа всего несколько часов назад в храме Большого Вознесения.

- Это ко мне, - открывая дверь, коротко бросил Святейший человеку-истукану в штатском, сидевшему у больничной палаты на стуле.

Удивленно вскинув брови, человек в «бело-штатском» насторожился, особенно, когда понял, что «пациент» ждал гостей и не может скрыть своей радости по поводу их прихода. Но все-таки пропустил посетителей в рясках к больному. Когда дверь закрылась, полнейшей

неожиданностью для него, бывшего чекиста, стал вдруг звук защелкивающегося изнутри дверного замка.

- Э-эй, святейший! – непочтительно рванул было на себя дверь человек-истукан, но та не поддалась, - зачем это вы там закрылись? Не положено! Откройте!

- Не мешайте мне молиться, - был негромкий, но четкий ответ с той стороны двери.

Чекист заметался, почуяв неладное. Выбежал в коридор, позвал медсестру. Коротко объяснил ей, в чем дело, и они вместе вернулись к запертой больничной палате. Прислушались. И вправду молится.

Из-за двери слышались распевные слова молитвы. Плохо разбираясь в церковных службах, человек в штатском и медсестра даже не догадывались, что за таинство совершается там, за белой, плотно закрытой дверью. А если бы догадались, то давно бы уж позвонили товарищу Тучкову или еще кому поважнее.

Лишь услышав слова «Каюсь пред Господом, что сотрудничал с коммунистами», человек-истукан, снова запаниковав, толкнул в плечо медсестру, и та, словно по команде, бешено заколотила кулачком в дверь и крикнула несколько раз визгливо: «Откройте, укол!»

Но в ответ все та же спокойно-равнодушная фраза: «Не мешайте. Дайте помолиться».

Медсестра побежала за «подмогой», а человек в штатском, согнувшись в три погибели и приложив ухо к замочной скважине, стал улавливать отдельные обрывки фраз. Пару раз он даже делал пометки в блокноте... Особенно не понравилась ему фраза: «Передаю тебе тайный жезл и вверяю судьбу церкви...» Насторожила и реплика о красном драконе, гонениях и славе мученичества... Потом вдруг в палате стало тихо-тихо.

После была ненужная суета... Допросы, угрозы ни к чему не привели... И хотя никакого «тайного жезла» при обыске двух священников, вышедших из больничной палаты Патриарха, найдено не было, но подозрения все же остались сильнее. Были приняты «особые» меры. До последней минуты, до последнего вздоха у больничной койки, на которой умирал Святейший, прилежно сидел специальный человек, дознаватель... Он всячески пытался разговорить умирающего, чтобы составить отчет о проделанной работе.

Но все его усилия оказались напрасными.

И отошел с Земли Великий Человек, Великое Сердце, скорбевшее о судьбе своего народа и России.

... И на долгие десятилетия так и остался всеми непонятым одиннадцатый Патриарх Руси.

... Принеся в жертву свое достоинство, честь и доброе имя, не дал он пролиться широкой реке народной крови...

... Совершивший в один день два рукоположения: официальное и катакомбное, он оставил тайну своей последней хиротонии нераскрытой.

После смерти Тихона для России настало смутное время.

Часть первая. 1976 год

Кровь мучеников - семя христианства". Тертуллиан

Глава первая. Непредвиденное.

Высоко в небе птичьим многоголосьем звенел июнь. Солнечные лучи наскоро разогнали утренний туман и, под неумолкаемый стрекот кузнечиков, начали наступление на редкие полупрозрачные облачка.

Время приближалось к полудню, но жара еще окончательно не победила оставшуюся с ночи прохладу. И легкий свежий ветерок изредка обдувал личико юной девчушки, которая, вскарабкавшись на огромный стог сена посреди поля, обозревала раскинувшиеся просторы – извилистую пыльную деревенскую дорогу, лесную речушку, тихо шуршащую в густом ивняке, роскошные луга за ней, березовые рощицы, дубравы и темневшие вдали ельники.

Насте Михайловой было всего 12 лет. Она, как и ее родители, была городской жительницей. Но каждое лето девочку отправляли «подышать кислородом» к тетке, в деревню со смешным названием «Зайчатинка». Откуда взялось столь нелепое название, никто не знал, массовых скоплений зайцев здесь не помнили даже старожилы, да и некогда было местным крестьянам тратить драгоценное время на этимологию: надо было и дров запасти, и огород вскопать, да и картошку посадить, чтобы «зиму перезимовать». А зимой, как водится, и других хлопот у крестьянина хватает.

Настина тетя пару лет назад по счастливому случаю купила дом в этой богом забытой деревеньке, и теперь каждое лето «погибала» на огороде, выращивая на зависть деревенским отличные урожаи помидоров, огурцов и картофеля.

Родители Насти, «сгружая» летом дитяtko к ней, не забывали вовремя подвозить и продукты. В выходные дни они помогали тетке «сражаться за урожай» и всячески призывали дочку помогать им в этом.

Но Настюха не поддавалась на уговоры. Обладая мальчишеским озорным характером, она предпочитала день-деньской лазить по деревьям, строить шалаши, играть в индейцев, ловить в деревенском пруду «бычков» и иногда даже спорить со взрослыми.

К сожалению, этим летом все «важные дела» она переделала уже за неделю. И целых два дня девочка томилаcь от скуки.

Свернувшись на стогу калачиком и подставляя для прогрева под солнце то один бочок, то другой, Настя в полудреме представляла себя то разведчиком, заброшенным в чужой край, то путешественником. В который раз уже перечитанный ею за этот месяц роман «Последний из могикан» лежал рядом. Отважная натура жаждала настоящих приключений.

Покусывая соломинку, Настена пыталась представить себе, что бы она сделала, скажем, если вдруг прямо сейчас на пустынное поле приземлилось бы НЛО с пришельцами. Или с боевыми криками выскочили бы из леса команчи. Затуманенными воображением глазами девочка оглядывала раскинувшиеся вдали лесные просторы и мечтала. Постепенно ощущение нереальности захватывало ее.

Внезапно Настя увидела, что по краю одного из соседних полей движется какая-то черная точка. Глаза моментально «поймали фокус». Точка продолжала расти и постепенно превратилась в человека.

Кто бы это мог быть? Может быть, «горе-грибник», решивший сначала как следует выспаться, а потом уж сходить в лес, несмотря на начинающуюся жару? По мере приближения человека его очертания становились все явственней, и девочка, чувствуя себя совершенной песчинкой на стогу в зеленом море свежей травы, испугалась.

Высокий человек с бородкой, лица которого девочке не позволяло разглядеть довольно большое расстояние между ними, был одет в длиннополую рясу! Монах! На голове у монаха была плоская черная шапочка, а на плече висел большой холщовый мешок; в руке путник сжимал длинную палку, на которую иногда опирался при ходьбе. Шел он быстро, временами озираясь по сторонам и оглядываясь назад.

Девочка втянула голову в плечи и, затаив дыхание, продолжила наблюдение за стремительнодвигающейся фигурой в черном. Человек тем временем пересек пшеничное поле, миновал перелесок, прошагал по небольшому лугу, и наконец исчез в дальней чаще... Туда, куда он скрылся, никто никогда из деревенских не ходил. Грибы можно было найти и гораздо ближе, а дети никогда так далеко не забегали в своих играх.

Настена лихорадочно соображала, что бы этакое предпринять... Как же так?! Откуда здесь может быть монах? Ближайшие «церковные» города находятся в 30-40 километрах! Правда, недалеко от «Зайчатинки» есть село «Воздвиженское». В нем стоит старая полуразвалившаяся церковь, которую, как рассказывала ей мама, в начале 19 века построил знаменитый француз Бове. В годы советской власти церковь подвергалась всяческим разрушениям и ван-

дализму (деревенские мальчишки дали себе слово разбирать ее «каждый день по кирпичику»), взрослые, подхватив «соц.соревнование», завалили церковь вокруг мусором. Кончилось тем, что в храм уже нельзя было войти - строение в любой момент могло обрушиться.

«Значит, монах шел не из церкви», - решила Настя. – «Она же не действует, стоит всеми заброшенная».

Девочка вспомнила, что несколько лет назад, когда они были еще «дачниками», местная детвора наперебой рассказывала легенды об этой церкви, передававшиеся из поколения в поколение.

В 30-е годы крестьяне трактором тянули крест - думали, золотой. Но осилить божественную мощь трактор так и не смог, да и крест оказался лишь позолоченный. И с тех самых пор перекошенный крест на страдалище вызывал жутковатые ощущения у случайных прохожих.

Во времена Великой Отечественной войны 1941-45 гг. эта церковь, построенная на холме, была эпицентром боев с фашистами и несколько раз переходила «из рук в руки».

Но самое яркое и таинственное воспоминание об этой церкви было связано у Насти с легендами о скрытых подземных ходах, растекающихся во всех направлениях от церкви.

Старики о них говорили так: «кто спускался в лабиринт за кладом, обратно уже не возвращался». Дети рассказывали друг другу об этом почему-то шепотом. Им очень хотелось найти потайные ходы и самим попробовать отыскать клад, но страх брал всегда верх, и никто не решался спуститься в один из заросших полыньей люков на холме перед церковью.

Внезапная мысль ошеломила Настю. А вдруг человек, одетый в монашескую рясу, вылез из потайного входа у церкви или, наоборот, собирается проникнуть в подземелье через какой-нибудь скрытый лаз в лесу?

Девочка огляделась вокруг. Неужели никто ничего не видел, и лишь она стала незримым свидетелем столь странного путника? С кем бы посоветоваться? Может, побежать рассказать тетке – нет, скорее всего, не поверит, засмеет или, что еще хуже, поверит, но перестанет отпускать гулять одну.

Настена съехала «кулем» вниз со стога и снова призадумалась. Вопросы кружились в ее голове, словно маленькие травяные мушки, которые, разбуженные ею, злобно зудели у нее прямо перед лицом, норовя попасть в нос.

Кто это и куда так спешил? Почему боялся, что его заметят? Девочке очень нравилась книга «Бронзовая птица» А.Рыбакова, но она прекрасно понимала, что сейчас не время «контрреволюционных заговоров».

Ее папа говорил, что в стране уже давно построили социализм. Это знали абсолютно все (и если это не слишком ощущалось по убогим магазинным прилавкам, заваленным консервированной килькой в томате и морской капустой, то, по крайней мере, в школьных учебниках это было обозначено довольно четко).

«Тогда, может быть, это переодетый шпион?» - развивала мысль дальше Настя. – «Как интересно! А вдруг он спешил в свое диверсантское логово? Или убил кого-то и пытается скрыться?»

Еще немного поломав голову, Настена расстроилась, поняв, что ей все равно не удастся проверить ни одну из версий, поскольку так далеко в лес она пойти не сможет, даже со взрослыми, а ее рассказам вряд ли кто поверит.

Постояв еще с минуту возле стога и сердито топнув ножкой, Настя медленно побрела домой.

Шел непростой для страны 1976 год.

Глава вторая. Инок Владимир

Если бы юная Настя имела возможность и далее следить взором за странным человеком, скрывшимся в чаще, она наверняка обрадовалась бы, узнав, что была недалеко от истины и, возможно, стала случайной свидетельницей весьма интересных и таинственных событий.

И уж, конечно, она бы не поверила, если бы ей сказали, что через много лет ей придется вспомнить и этот далекий июньский день, и этого странного одинокого путника, идущего с посохом через поля.

Человек, спешивший пройти через поля мимо деревни «Зайчатинка» незамеченным, был действительно лицом духовным. Инок Владимир, в миру Андрей Гаврилович Панышин, молодой крепкий мужчина лет тридцати, приехал в эти места с весьма важной и ответственной миссией: он был связником (связным) готовящегося в великой тайне Соборика 1976 года Катакомбной Церкви.

Работа связника очень нравилась Владимиру, который, несмотря на монашеский образ жизни, сохранил в душе интерес к путешествиям, полным опасностей, приключениям и борьбе с трудностями.

Его отец, кадровый офицер КГБ, считал, что после школы Андрей должен был пойти по его стопам. Но жизнь расставила свои акценты.

Сразу же после сдачи выпускных экзаменов с Андреем приключилось странное и пугающее недомогание – вроде бы и не болезнь вовсе, но слабость в теле была невероятная, иногда внезапно поднималась температура, ломило спину. Бывали и дни, когда юноша даже не мог подняться с постели – голова кружилась, руки и ноги холодели, в глазах мерцали яркие звездочки.

Мама Андрея сначала испугалась до крайности. Потом посоветовалась с подругами и вскоре «поумнела», подсуежилась и «выбила» у врачей справку о недееспособности сына, несмотря на попреки разгневанного отца в «попустительстве лентяя».

Как бы то ни было, но, хотя через некоторое время недуг прошел сам собой, служить в армию Андрей не пошел. И на вербовку КГБ ответил также отказом.

Некоторое время он находился безвылазно дома, со сверстниками не общался, и в основном, пользуясь маминой добротой, полеживал с историческими романами или детективами на диване, часто, иногда даже днем, засыпал.

И вот однажды, в один из таких однообразных по своему содержанию дней, ему приснился странный сон. Будто бы сидит он на берегу тихой лесной речки. Сквозь камыш и осоку хорошо видно, как маленькие рыбешки греются на солнышке. Насладившись теплом и умильно взмахнув хвостиками, они юрко проскальзывают между камнями на песчаном дне и уплывают вдаль.

Внезапно Андрей ощутил чье-то присутствие, поднял глаза и явственно различил на противоположном берегу окутанную белым туманом фигуру. Инстинктивно он отвел глаза и посмотрел назад, стараясь понять, что происходит.

- Не оборачивайся! - раздался вдруг громкий, раскатистый, словно эхо, голос.

Оцепенев от неожиданности, Андрей не смог повернуться, как будто кто-то крепко держал его за плечи.

- Запомни! – продолжал Голос, - если ты не найдешь то, что ищешь внутри себя, то ты никогда не найдешь его вне себя. Если ты не знаешь превосходства твоего собственного дома, зачем ты ищешь превосходства других вещей?.. О человек, познай самого себя! В тебе самом сокрыто сокровище сокровищ.

Кто Вы? - вскрикнул испугавшийся чего-то Андрей.

- Обратись к Богу, сын мой! - продолжил странный голос. – Ведь Бог в душе каждого из нас... Самое страшное – ничегонеделание... Ты должен отдать жизнь служению Богу, помогая людям обрести духовное счастье.

Внезапно стало тихо-тихо, а сверху повсюду стал разливаться мощным потоком яркий свет. От его силы у Андрея даже заболели глаза, он инстинктивно зажмурился и... проснулся.

Еще долго Андрей не мог прийти в себя после того странного сна. Но постепенно в его голове прояснилось, и все стало на свои места. Теперь он знал, для чего появился на свет! Служить Господу! Мысль эта просветлила лицо Андрея, укрепила его душу, он даже внешне как-то преобразился – стал словно выше ростом. Когда его умные карие глаза останавливались на ком-нибудь, многие опускали взор, как будто взгляд Андрея прожигал их насквозь.

Андрей, как мог, объяснил свое решение родителям; плачущая мать и притихший отец не смогли воспротивиться его уходу от мирской жизни. Решение Андрея было непреклонным. Так он стал иноком Владимиром.

Андрей был пострижен (с именем Владимир) Великим постом епископом Антонием и был направлен им же в Астафьевский скит. Там приучился он читать совсем иные книги, чем в юности: Библию, Молитвослов, жизнеописания Святых.

Владимира-Андрея с детства мучила кажущаяся несправедливость существования. Он нередко задавался вопросом: почему некоторые люди живут долго и счастливо и при этом воруют, обижают других, совершают множество грехов, даже убивают? И дети их продолжают жить в роскоши и праздности. А некоторые – честные, трудолюбивые и богобоязненные - всю жизнь проводят в бедности и лишениях, а дети их болеют и часто умирают маленькими.

И вот теперь Владимир старался найти в церковных книгах ответ на свои вопросы. И наконец ему повезло. Изучая житие Святого Антония он узнал, что и Антоний искал справедливости на земле... Словно золотой нитью вплелись в жизнь Владимира строчки из жития: «обратился святой Антоний Великий ко Господу, и после долгой молитвы ангел отвечал ему: «Антоний, это суды Божии, нельзя человеку постичь их, ты себе внимай».

Так и Владимир старался внимать себе. Очень старался. Хотел быть полезным Богу и людям и заметно преуспел в этом. В скиту его все любили за доброту, отзывчивость и мягкость характера.

По прошествии некоторых лет, он, уже будучи монахом малой схимы, заслужил право стать «связником» при подготовке тайного Соборика.

Владимир бодро шагал через раскинувшиеся луга и поля. Душа его пела и трепетала от важности и ответственности поставленной перед ним задачи.

Он не только обеспечил предсоборную переписку архиереев (поскольку обстановка была тревожной, и духовные пастыри, опасаясь репрессий силовых структур СССР, не доверяли свои послания почтовым ведомствам), но и должен был гарантировать безопасную доставку на место проведения Соборика приглашенных участников.

Войдя в лес, Владимир остановился, чтобы перевести дух и прислушаться. Несколько мгновений в ушах гулко отдавался только стук его собственного сердца. Когда же дыхание его выровнялось, услышал он неторопливое щебетание птиц.

Совсем рядом, в розовых цветах кипрея (в народе - Иван-чая), жужжали трудолюбивые пчелы, в воздухе, просыпаясь, зло и по-деловому зудели мухи, прерывая писк назойливых комаров. И где-то высоко-высоко невидимая в густой кроне деревьев птичка настойчиво спрашивала: «Ты Витю видел? Ты Витю видел?» Владимир улыбнулся. Надо же, как похоже на человеческую речь! «Ку-ку. Ку-ку!» – вторила ищущей «Витю» птичке кукушка, соглашаясь.

На высокой раскидистой ели стучал молоточком дятел, не обращая никакого внимания на путника, осторожно ступавшего по нежному ковру из шелковистой травы.

Проходя вдоль молодых стройных березок и пушистых елок, Владимир неожиданно пришел в полнейшее восхищение, увидав, как кое-где, на траве и листьях, роса посверкивает бриллиантами. «Господи! До чего же красиво!»

Иногда он смахивал рукой случайно попавшие в лицо паутинки, которыми невидимые лесные ткачи – пауки – неумолимо заполняли пустоты между деревьями.

Постепенно молодняк сменился еловой чащей. Неслышно шагая по мягкой хвое, Владимир любовался изредка встречающимися цветами дикой гвоздики, змеиного горца, а на одной из полянок, увидав «царицу леса» - белую фиалку, не удержался, сорвал волшебным пахнущий цветок и сунул за ворот рясы.

Ни с чем не сравнимое благоухание июньского леса заполняло душу Владимира. Радость ощущения бытия заставляла его сердце трепетать и ликовать одновременно.

По одному ему знакомым приметам (кое-где отломанной ветке, особой зарубке на дереве) келейник уверенно продвигался в самое сердце чащи. Скоро впереди засветлело – хвойный лес заканчивался и начиналась невысокая, но довольно плотная березово-осиновая рощица, местами переходящая в густые высокие травостои.

Владимир остановился и крикнул иволгой: «Фиу-лиу. Фиу-лиу». Спустя пару секунд откуда-то издали послышалось, словно эхо, точно такое же «Фиу-лиу».

«Слава тебе, Господи, - подумал Владимир. - Ферапонт на месте. Значит, все хорошо, я дошел».

Впереди раскинулся довольно большой овраг, сплошь заросший кустарником. Владимир, ловко пролезая сквозь кусты ивняка и жимолости, по едва заметной тропинке, сворачивая то направо, то налево, довольно быстро спустился на самое дно балки, покрытое осокой и лимонно-желтой купавницей. В нескольких шагах от идущего, тихо журча, змеился лесной ручеек, и Владимир, встав на колени, с наслаждением умыл разгоряченное ходьбой лицо и утолил жажду прозрачной холодной водой.

- Приветствую тебя, брат Владимир! – послышался негромкий басок.

Владимир непроизвольно вздрогнул, но, узнав голос, расслабился.

Из кустов бересклета выглядывал, улыбаясь, широкоплечий мужчина средних лет, с окладистой рыжеватой бородой и небольшими, тоже рыжими, усиками, две бороздки от которых плавно спускались к подбородку и переходили в бороду. Так же, как и Владимир, одет он был в черную рясу, а на голове его плотно сидела черная шапочка, видимо, заменявшая в «полевых условиях» камилавку. На груди чернеца, на большой серебряной цепочке висел массивный наперсный крест.

Это был второй «связник», иеромонах Ферапонт Зотов. Его добродушное, слегка полноватое, загорелое лицо, изрезанное лучиками мелких морщинок, буквально светилось. А светло-серые глаза сияли спокойной, ровной радостью. С виду Ферапонт казался немного старше Владимира, хотя на самом деле они были почти ровесниками.

- Здравствуй, Ферапонт.

- Здравствуй, здравствуй. Наконец-то ты пришел, Владимир. Я уж начал было волноваться. За тобой никто не следил? - в светло-серых глазах мелькнула тревога.

- Да, вроде бы, никого не встретил по дороге, - пожал плечами Владимир. - Ну, рассказывай, как ты тут один? Не боязно? Ночами в лесу, небось, жутковато одному-то?

- Да как сказать, - задумчиво ответил Ферапонт, - днем тружусь, потому и бояться некогда. А вечерами молюсь истово, потом сразу же и засыпаю милостию Божией. Да тут вроде тихо, спокойно. Хотя, знаешь, - словно вспомнив что-то, произнес он уже другим голосом, - вчера вечером было что-то, от чего мне не по себе вдруг стало. Я прочитал уже все молитвы, но сон все никак не шел. Ветра не было, и тишина стояла просто запредельная. Потом вдруг показалось, что где-то хрустнула ветка. Я насторожился, приподнялся на локте. Может, зверь какой по лесу ходит... Внезапно слишком громко и где-то совсем рядом закричала сова. И вдруг такой же крик раздался метрах в пятидесяти к югу. Может, ее кто-то спугнул, и она просто перелетала с места на место – то там крикнет, то здесь. Я, честно признаться, струхнул даже малость... Но вскоре все разом стихло. Я прочитал «Отче наш» и, успокоившись, быстро заснул.

Монах, словно зачарованный, слушал рассказ Ферапонта. Его воображение тут же представило перед ним картину ночного леса, крик совы, хруст сломанной ветки, чей-то неясный шепот.

- Ну да ладно, - вздохнул Ферапонт, - пошли, покормлю тебя, отдохнешь с дороги, - и он жестом пригласил Владимира последовать за ним.

Монахи вошли вглубь огромного ивового куста, ветки за ними немного покачались и замкнулись глухой стеной. Прошло несколько секунд, вновь застрекотали кузнечики, запела какая-то лесная пичужка, слегка примятая трава распрямилась, и ничто уже не напоминало о том, что только что в этом самом месте произошла встреча двух связников.

Глава третья Раскольники

Ферапонт и Владимир осторожно шли по самому краю балки. Собственно говоря, край этот можно было определить, лишь дотронувшись рукой до почти отвесной стены из земли, глины и песка, из которых кое-где торчали корни старых елей. Сплошняком стоящие мелкие деревья и кусты не позволяли что-либо увидеть дальше вытянутой руки.

Владимир послушно следовал шаг в шаг за бодро передвигающимся Зотовым, ловко уворачиваясь от так и норовивших хлестнуть по лицу веток. Внезапно Ферапонт, идущий впереди, слегка пригнулся, протянул вперед руки, раздвинул густые ветки и исчез из поля зрения. Не ожидавший ничего подобного Владимир тихо ойкнул, потом перекрестился и, повторив движения друга, также «растворился» в сплошной листве.

Сначала он ничего не увидел в полной темноте. Но потом, когда глаза немного привыкли к темноте, Владимир смог различить некоторые предметы перед собой. Он находился в небольшой, довольно уютной пещерке, вырытой, видимо, вручную. Высота ее была чуть больше полутора метров, а площадь составляла что-то около двух квадратных метров. Пол пещеры был густо выстлан лапником, а у входа, сбоку, в вырытой неглубокой ямке, тлели угольки костерка. В стены было вбито несколько деревянных колышков, видимо, заменявших хозяину вешалку и полки. На них висели деревянные четки, льняное полотенце, какие-то сухие венички и холщевые мешочки.

- Вот, обживаюсь понемногу, - горделиво произнес Ферапонт, заметив, как Владимир с удивлением оглядывает пещеру. – Садись, где нравится. Сейчас чаем тебя напою, настоящим, из зверобоя с мятой. Сбор прошлого года. С собой взял побаловаться.

Владимир осторожно опустился на лапник и наконец-то перестал волноваться. Только теперь он, отшагавший пешком не один километр, ощутил, как гудят от усталости ноги. Закрыв глаза, он с наслаждением вдохнул свежий запах хвои.

Тем временем Ферапонт, вытащив откуда-то маленький металлический чайник, поставил его на угли. Порылся в мешочках, висящих на стене, и извлек из них несколько сухарей, горсть баранок с маком и даже кусок шоколада. Бросив в закипающий чайник несколько сухих веточек, иеромонах подождал несколько минут и стал разливать в жестяные кружки необыкновенно ароматный напиток.

- Ну вот, милости просим откусать с нами, - весело сказал он. Прошептал молитву, перекрестился и уселся рядом с Владимиром на лапник. Монахи принялись чаевничать.

- Слышал про инок Димитрия? – заговорил первым Владимир, беря в руку баранку. - Говорят, под поезд его сбросили. Недалеко от Уфы. Возвращался от епископа Феодосия. Хорошо хоть письма успел тому отдать. Жалко его, совсем молодой был. Царствие ему Небесное, - Владимир истово перекрестился и взял в руки кружку с дымящимся кипятком.

- Да, наши сказывали, что кто-то выследил его, но все равно правды не добиться. Официальная версия властей – был пьян, вот и свалился под поезд. Вот ироды. Ничего святого у них нет, – с чувством добавил Ферапонт.

- Да, ты знаешь, чуть не забыл. – Спыхватился Владимир. – Евстафий всем просил передать, что на Соборик приедет Могиленко. Так старец опасается провокаций. Сам приехать из-за хворобы не может, но предупреждает, что этот «иеромонах Лазарь», то бишь Могиленко, очень опасная "птица". Евстафий знает Могиленко еще по лагерю и очень плохого мнения о нем.

- Слышал, слышал. Будто он чуть ли не гомосексуалист и псих.

- Ну, насчет этого я не ведаю, а вот что провокатор и плут, то это скорее всего.

- А странно все-таки. Многие архиереи знают, что Лазарь мошенник и доносчик. А все равно согласились, чтобы тот присутствовал на Соборике.

- Да, может, просто не верят. Ведь его протекционирует сам епископ Андрей. Там, за границей-то, они думают, что у нас любой священник гоним. А этот Лазарь личность наипротивнейшая, все претворяется страдальцем за веру. Мне старец так прямо и сказал: «Берегись его, Владимир». Он и Антония старался убедить. Мол, никто не хотел этого Могиленко постригать. Все с ужасом отворачиваются от Могиленко, потому как явный пособник он безбожной власти, «красной сатаны», а он все равно лезет. Ведь сколько раз и гнали его, и отвергали, даже говорить с ним не хотели, а тому все нипочем. Как с гуся вода. Видно, действительно самозванец он и тайный осведомитель... Ну почему они не отказали ему?

- Да погоди ты волноваться. Может, еще, и не приедет.

- Да как же, не приедет, - с чувством вздохнул Владимир. – Приедет! Он уж такую возможность не упустит. Я, когда письмо епископу Иосию привез, прямо глазам своим не поверил. У него в доме этот самый Лазарь уже вовсю столовался. А Иосий все равно сам не поедет – занемогил он сильно, вот этот «оборотень» Могиленко и поедет вместо него! Подольстился к старику. И ничего не сделаешь тут.

- А остальные-то знают? Что Могиленко на Соборик примазался?

- Да вроде бы я всех оповестил. Но архиереи – те, кто приедут, считают, что не опасен он здесь-то, в лесу. Ну, мало ли, зачем несколько человек встретились? Не приведет же он «хвост» за собой?

- Кто знает, кто знает.

- Ну, уж ты совсем меня в отчаяние приводишь, брат Ферапонт. Не допустит Господь, чтобы «проклятый Лазарь» вред какой причинил пастырям, – разгорячился Владимир.

- Ладно, Господу виднее, - перекрестился Ферапонт. - Мы с тобой уж тут ничем помочь не сможем. Давай-ка лучше отдохни часок, а то нам в подземелье скоро спускаться нужно. Мы ведь должны с тобой все проверить – нет ли где завалов, работают ли воздушные колодцы. В общем, работы будет много. Ты давай поспи пока, а я тем временем запас воды сделаю, снаряжение проверю, да помолюсь за нас, - сказал Ферапонт.

Инок Владимир прилег на еловые ветки, глаза его тут же сами собой закрылись, он начал было про себя совершать молитву, но заснул на полуслове.

И приснилось ему, будто идет он по нежно-изумрудной, залитой солнцем лесной поляне. Кругом колокольчики, ромашки, лютики, фиалки, «куриная слепота» качаются от легкого ветерка. И вроде бы даже идет Владимир по какому-то важному делу, только не помнит, по какому именно.

Вдруг откуда ни возьмись, на небе появляется облако, за ним другое, солнце исчезает и внезапно становится темно и страшно. Вот-вот грянет дождь. Владимир изо всех сил спешит к лесу, чтобы укрыться от уже вовсю хлынувшего ливня, но ноги, словно ватные, не слушаются его. И не бежит он вовсе, а так, еле-еле передвигает ногами. И нарастает какая-то странная, щемящая тоска в его душе.

Все же Владимиру удастся добраться до первых деревьев, но из них вдруг с диким криком вылетает огромный филин и начинает кружить над Владимиром. Его большущие крылья почти что касаются лица перепуганного монаха и тот вынужден руками закрываться от осатаневшей

птицы. Владимир с ужасом всматривается в ее янтарно-золотистые злые глаза. Что-то знакомое чудится ему в них. Неожиданно кричащий филин превращается в хохочущего Могиленко. Он размахивает руками и то ли кричит что-то, то ли кашляет. Нет, все-таки кашляет. И все громче, громче. Испуганный Владимир не слышит ничего, кроме этого каркающего, злорадного кашля. Внезапно он вскрикивает и... просыпается.

Сперва Владимир никак не мог понять, где он находится. Сердце его бешено колотилось, по лицу и спине тек липкий холодный пот. Кругом – темно, как во сне. И кто-то кашляет довольно громко и совсем рядом.

- Тебе снилось что-то нехорошее? – услышал он голос Ферапонта и сразу пришел в себя.

- Ты стонал во сне.

- Да чудной и жуткий сон мне приснился. Сначала филин летал перед лицом, потом превратился он в Могиленко и начал хохотать и кашлять жутко.

- Это я закашлялся. – Смущенно улыбнулся Ферапонт, но видно было, что сон Владимира произвел на него впечатление. - Извини, что разбудил. Но нам уже пора идти. Времени не так много у нас. Через пару часов стемнеет, как тогда колодцы проверять будем? Пойдем, благословясь. Фонарики у меня.

Ферапонт взял большой холщовый мешок, повесил его на плечо и, перекрестившись, вышел из пещеры. Владимир спохватился, что долго спал и, устыдившись, быстро выскочил вслед за ним.

Глава четвертая. Подземелье

Ферапонт и Владимир прошли сначала немного вдоль балки, потом свернули в чащу и начали продираться сквозь еловые колючие ветки, иногда пребольно хлеставшие по лицу, стоило чуть только зазеваться.

Наконец они подошли к какому-то бугорку, заросшему густой шелковистой травой вперемешку с редкими кустиками черники. Ферапонт, наклонившись, протянул руку, поднатужился и, уцепившись за какой-то корешок, открыл заслонку, оказавшуюся крышкой огромного люка.

- Ух ты, ничего себе, - восхитился Владимир.

- Давай, спускайся за мной, здесь есть ступеньки, - скомандовал Ферапонт, и исчез в люке.

Владимир осторожно просунул в дыру ноги, потом, уцепившись локтями за край дерна, пошарил ногами, нащупал нечто, похожее на ступеньки, и осторожно стал спускаться.

- Да не бойся ты, - тихо рассмеялся откуда-то снизу Ферапонт, - сможешь сам закрыть крышку люка или мне подниматься?

Владимиру пришлось немного снова подняться, чтобы, балансируя над неизвестной пустотой, захлопнуть над собой заслонку, поросшую травой. В нос сразу пахнуло спертым воздухом, слегка смешанным с запахом тления. Владимир непроизвольно поежился и поднял вверх голову, чтобы прийти в себя.

Едва последний солнечный лучик, проникающий через открытый люк, исчез, на мгновение на инока опустилась крошечная тьма. Но через пару секунд Владимир различил в воцарившейся темноте некое свечение откуда-то снизу. Догадавшись, что это Ферапонт включил фонарик, он пришел в себя и, вспомнив, что у него самого имеется подобный фонарик, включил его и довольно ловко спустился на ровную поверхность. Став твердо на ноги, он посветил фонариком вверх и понял, что глубина этого хода всего метра три, не больше.

- Выключи свой фонарик, - услышал он откуда-то справа строгий голос Ферапонта, - а то вдруг мой перегорит, а нам еще идти немало. Я, правда, захватил на всякий случай с собой свечку, но лучше будет поэкономить.

Владимир послушно выключил фонарь и свернул на ощупь куда-то вправо, откуда слышался голос Ферапонта. В слабых лучах фонарика он различил и самого монаха, который ждал его.

- Ну, давай, брат, иди потихоньку, за мной. Учись, как нужно осматривать стены и потолок, - сказал ему Ферапонт и, не спеша, пошел вперед. Луч фонарика заскакал по узкому коридору, иногда забираясь на потолок. И тогда Владимир мог увидеть, как отделан деревом полукруглый свод туннеля.

- А куда ведет этот ход? – с интересом спросил он у впереди идущего Ферапонта.

- От самого храма в Воздвиженском в сторону леса, где мы встретились с тобой, а также в противоположном направлении. Еще в шестнадцатом и семнадцатом веках было прорыто два хода.

- Кто ж их рыл?

- Монахи, насколько я правильно понял преподобного отца Первушина. Он рассказывал, что давно-давно здесь где-то в лесах, тогда еще очень глухих и почти непроходимых, был мужской монастырь. И монахи десятилетиями рыли эти тайные ходы, чтобы в случае набегов татар, башкир и других каких иноверцев или разбойников можно было спрятать монастырские реликвии и золотые украшения.

- Надо же, а я и не знал ничего, - прошептал Владимир заворуженно.

- Да и не только монахи, но и местные жители помогали прорывать эти ходы, потому что рассчитывали укрываться от врагов вместе с семьями. Монахи никому не препятствовали и всегда принимали помощь от жителей окрестных сел. Многие купцы сами, конечно, не рыли, но давали деньги на строительство. Ты, наверное, еще не увидел, но заметь, здесь не везде пол земляной. Иногда попадаете и каменная кладка. Она вообще сделана на тысячелетия, наверное, на деньги этих самых купцов, которые стремились избежать разграбления своего богатства в случае вторжения и охотно помогали монахам... Так-то. Я тут все исходил вдоль и поперек, пока жил один в лесу, - сказал довольный собой Ферапонт.

- А что воздух здесь какой-то тяжелый, спертый?

- Так правильно, откуда бы здесь свежему воздуху взяться? – удивился Ферапонт. – Ведь мы, голубчик, находимся с тобой на глубине трех, а где и четырех метров под землей. Здесь, кстати, даже через несколько метров свеча погаснет. Поэтому я и захватил фонарики.

- А как же они, я имею в виду, жители сел, которые скрывались здесь с детьми от нападений, дышали таким вот воздухом? – еще раз удивился было Владимир.

- Так для того, чтобы много народу дышало свободно, и были придуманы специальные воздушные колодцы. Их-то мы с тобой и будем в основном проверять.

- Воздушные колодцы? А что это такое?

- А это, брат, такая штука, которая с земли почти и не видна, если не приглядываться. А на самом деле дыра в земле, из которой свежий воздух поступает в подземный ход.

- А как же строили, что даже речку смогли обойти? Ведь здесь по лугам все время петляет лесная речушка, - сказал Владимир, - я, когда шел к тебе, прямо измучился ее обходить, один раз даже вброд пришлось идти.

- А никто и не обходил речку, - весело отозвался Ферапонт, - если я не ошибаюсь, то сейчас мы как раз с тобой под этой самой речкой и проходим.

- Как так? – испугался Владимир. - А вдруг провалится земля, да вода хлынет?!

- Не хлынет, брат, здесь все продумано до миллиметра. Мне преподобный Первушин рассказывал, что для строительства этого подземного хода даже приглашали специального ученого из Англии. Он тут все чертежи им расчертил, да все научно доказал, что не провалится.

- Смотри-ка, а это что? Неужели крепления для факелов? – опять не мог не удивиться Владимир.

- Да, - отозвался Ферапонт, - как раз сейчас мы и сделаем первую остановку. Здесь где-то должен быть воздушный колодец.

Он посветил фонариком куда-то вправо, и Владимир заметил, что в подземном ходе имеется ответвление. Он вошел туда вслед за Ферапонтом, и уже через несколько метров они стояли перед тупиком.

- Вот здесь-то и располагается первый колодец, - сказал Ферапонт, - сейчас посмотрим, почему воздух не проходит.

Он полез куда-то вверх по выдолбленным прямо в земле ступенькам и скомандовал Владимиру:

- Ну-ка попридержи меня, чтобы не упал. Да на тебе фонарик, свети вверх.

Владимир поднял голову вверх и увидел, как Ферапонт обеими руками уперся в потолок. Что-то заскрипело, сверху посыпались опилки и земля. И сразу нос его почувствовал приток свежего воздуха.

- Вот, - удовлетворенно произнес Ферапонт, - а то, понимаешь, завалило нам колодец.

Он еще с силой надавил на потолок и, наконец, крышка люка поддалась, и Владимир увидел кусочки неба над головой, перекрываемого со всех сторон ветками.

- Между прочим, - весело сказал Ферапонт, - эти воздухоотводы не только помогают выжить в подземном ходе, но и еще являются запасными тайными входами и выходами.

- Как хорошо воздух-то свежий пошел, - благостно произнес Владимир, заполняя легкие кислородом.

- Но закрыть мы его все равно сейчас вынуждены будем, - деловито сказал Ферапонт, - эти тайные лазы никто не должен видеть посторонний.

- А вдруг грибник какой мимо пойдет? – испугался Владимир, - ведь он может заметить.

- Ну, грибник - это еще полбеды, - рассмеялся Ферапонт, - другие вот «следопыты» страшны. Но в принципе все эти колодцы расположены в бурьянах всяких, где трава выше роста человеческого, так что вряд ли сюда грибники пойдут. Все продумано было еще много веков назад, - горделиво подбоченившись, произнес он и слез со ступенек.

Долго они еще бродили по подземному ходу, проверяли воздушные колодцы, иногда отдыхали, привалившись к каменной кладке спиной. Скоро под ногами у них захлюпало.

- Что это? – вновь забеспокоился Владимир. Он все еще никак не мог привыкнуть к путешествию по подземному ходу шестнадцатого века.

- А-а, это мы подходим к конечному пункту нашего следования. Скоро вода будет почти по колено. Ты рясу-то подоткни, - посоветовал ему Ферапонт, - а то замочишь. Здесь вода проникает из местной речки, уже не лесной, но сделано так хитро, что никаким способом она хода не размочет. Вот, смотри, - он показал куда-то вверх.

Владимир глянул туда, куда показывал его товарищ и удивился еще больше. Над головой у него был бетонный свод, что-то вроде тех «колец», которыми укрепляют колодцы, только гораздо больше.

- Это уже в нашем веке сделано было, - пояснил Ферапонт. – Здесь наверху болотце располагается небольшое, даже и не болотце, а небольшой пруд, заросший тиной. Трава там выше человеческого роста, кусты ивовые, да грязь по колено. Поэтому не каждый сюда сунется искать вход-то в подземный ход. Не бойся, пошли, покажу.

Через какое-то время они вышли наружу. Правда, сперва Ферапонт осторожно высунул голову в отверстие. Потом, убедившись, что за ними никто не наблюдает, вышел сам и помог выбраться из лаза Владимиру.

Солнце уже зашло, и вокруг сгустились сумерки. Над ухом беспрестанно зудели комары, один даже успел пребольно укусить Владимира. «Наверное, изголодался тут без людей», - подумал весело инок, вдыхая полной грудью свежий вечерний воздух. Он оглянулся на лаз. Свод

был сделан из огромных валунов. Сразу и нельзя было понять, что это тайный вход в подземелье, а не просто груда камней и кусты полыни и чертополоха.

- Ну, что, брат, надышался? – весело прошептал Ферапонт, - тогда пошли обратно. Нам еще долго возвращаться. А завтра рано встать нужно. Преподобные, наверное, уже приехали, а к утру и у нас будут. Встретить их нужно, как подобает, чтобы, как говорится, комар носу не подточил.

Они стали вновь спускаться в катакомбы.

- А что, много народу-то будет? – спросил Владимир, когда монахи, уже вернувшись в пещеру, вновь сидели на мягком лапнике возле слабо горевшего костерка.

- Да человек семь-восемь, наверное, наберется. Я, правда, не знаю, приедет ли епископ Меркурий... Все-таки возраст у него уж слишком почтенный. Да и натерпелся он в лагерях-то поди немало.

- Ну, возраст, - улыбнулся Владимир, - еще не помеха. Гляди, вот епископ Владимир, казалось бы, тоже восьмидесятилетний старец, а завтра председательствовать будет. И «андреевскую» линию отстоит опять. И будем мы до конца дней своих по скитам и ущельям мыкаться, - снова погрузился он.

- А что ж ты предлагаешь? На пули или нары кидаться? – возмутился было Ферапонт, но, взглянув в печальные глаза друга, лишь вздохнул, - не время еще, братец, надо погодить, авось разберутся там, на небесах, чья власть должна быть на земле – Бога или Сатаны... - И Ферапонт, продолжая глядеть затуманенным взором на горящие уголья, перекрестился.

Где-то вдали глухо крикнула сова. Монахи вздрогнули и молча уставились друг на друга.

- Не нравится мне все это, - мрачно произнес Владимир, укладываясь поудобнее на лапнике, - да и сон мой давешний теснит душу каким-то стальным кольцом.

- Не паникуй, Владимир, поспи немного, а я подежурю часок, - сказал в ответ Ферапонт, вновь ставя чайник на уголья. – Спать мне сегодня не с руки, скоро уж отправлюсь за преподобными.

- Мне идти с тобой? – вновь поднялся на локте уже было задремавший Владимир.

- Нет, поспи, брат, я и один управлюсь. Там меня будет ждать инок Андрей, он преподобных сейчас, наверное, спрятал в деревне, а перед рассветом отведет в подземелье. А я должен встретить их в середине пути. Ты же здесь соблюдай осторожность, не шуми, да не спи много. Если почувешь опасность какую – беги, только прокричи мне иволгой несколько раз. Авось, услышу.

Глава пятая. Ночные странники

Над селом Воздвиженским широко раскинула свое звездное покрывало теплая июньская ночь.

Улица опустела, народ, намаявшись за день на огородах и нахлебавшись «бормотухи», давно мирно посапывал на пуховых перинах или на жестких полотах. Изредка слышался собачий лай, но и тот как-то быстро затихал: псам тоже спать надобно. Раза два сонный петух сипло прокукарекал что-то, и повсюду наконец воцарилась полнейшая, патриархальная тишина.

Лишь на самом краю села, недалеко от старой полуразвалившейся церкви, в одной из избушек горела свеча. Жившая в избушке бабка Ефросинья, полуслепая и глухая от старости, давно спала в низенькой комнатке, даже не подозревая о том, сколь важное общество собралось у нее в горнице.

За столом, покрытом старой аляповатой клеенкой, чинно восседало четыре старца, одетых во что-то темное. На стуле у самого окна, положив локоть на подоконник и привалившись спиной к стене, мирно дремал еще один старик. Немного поодаль, на приставленной к стене лавочке, аккуратно сложив руки на коленях, сидели двое мужчин помоложе.

Все семеро хранили молчание, но видно было, что все они находятся в крайней степени волнения. Даже свеча горела не ровно, трепеща от их прерывистого дыхания. Наконец один из тех, кто сидел на лавочке, мужчина лет пятидесяти, щуплой наружности, нервно вскочил и прошептал:

- Господи! Уж скорей бы началось!

Седой старик, по виду самый важный из всех, сурово взглянул на него из-под кустистых белых бровей, и разнервничавшийся было понуро опустилсЯ снова на лавку, тяжело вздохнув и перекрестившись при этом.

Звнящую тишину нежданно разрезал скрип. Все вскинули головы. Нервный мужчина тихо ойкнул и снова вскочил на ноги. Дверь распахнулась, и в комнату осторожно вошел молодой мужчина, одетый во что-то темное.

- Все готово, можем идти, - тихонько произнес он. Сидевший за столом старец погасил свечу, и комната на минуту опустилась во тьму. Но вскоре ее очертания стало довольно легко разобрать в лунном свете, льющемся из окна.

- Ну, с Богом! – произнес важный старик и, осенив себя крестным знамением, поднялся.

Кряхтя, поднялись остальные старики из-за стола и тоже перекрестились. Гуськом, следуя за вестником, все вместе, стараясь не скрипеть половицами, вышли на улицу.

На небо стремительно взлетала огромная желтая луна. И теперь было видно, что все семеро были одеты в длиннополые рясы, а человек, которого они так ждали, был облачен в темный костюм.

Все они появились в селе сегодня, но в разное время. Сначала из приехавшего со станции утреннего рейсового автобуса вылезли, тяжело дыша, две полные старухи, облаченные в длинные платья. Их лица были замотаны по-деревенски белыми платками в горошек по самые носы.

На старух никто из деревенских не обратил внимания – мало ли кто к бабке Фене приехал погостить. Да и «Утренняя почта» была в самом разгаре. Не до старух тут каких-то, когда сам Игорь Николаев на экране.

Родственников и знакомых у бабки Фени было разбросано немало по России. Вот и наезжали к ней иногда целыми семьями, жили подолгу, привозили гостинцы. Бабку Феню боялись в деревне, за глаза называя колдуньей.

Ефросинья смолоду знала много разных рецептов – как от грыжи избавиться или от рожи, как запойного пьяницу от вина отвадить, да и много еще чего могла... Никогда не брала денег за свою помощь, даже не притрагивалась к ним – только продукты, либо отрез ситца на платье, либо поделку какую, сделанную своими руками. Ефросинья могла отказать в лечении кому-то, если человек ей не понравится. Сказывали, что кто-то видел ее разгуливающей по ночным полям, лугам в одной рубахе и босой. Дети не забегали играть в эту часть села, да и взрослые говорили о бабке Фене лишь шепотом.

Поэтому епископ Владимир и протоиерей Первушин, а это были именно они, вошли в избу к Ефросинье в своих маскарадных костюмах, никем не замеченные. Встречавший их у калитки инок Андрей, «по совместительству» внук бабки Фени, радостно закивал им и, проводил их в дом, угостил чаем на травах и медом, помог переоблачиться и отвел в небольшую прохладную комнатку, пахнущую сосной и мятой, отдохнуть с дороги.

К полудню в дом бабки Фени постучались два заблудившихся грибника. Ими оказались переодетые епископы Меркурий («единоверец») и Кирилл («климентовец»). Андрей впустил их в дом и тоже угостил чаем. В корзинах у них вместо грибов, оказались две черные рясы, в которые «грибники» тут же и облачились.

Когда после обеда пошел крупный теплый дождик, все селяне попрятались по домам и улица опустела. Лишь только один путник, казалось, не убоился быть промоченным. Помогая себе самодельной деревянной клюкой, он уверенно вышагивал меж пузырящихся луж по

направлению к дому бабки Фени. Так «иосифлянин» епископ Серафим добрался «под прикрытием» дождя никем незамеченным.

Вечерним рейсом автобус привез в село еще одного тайного участника предстоящего Соборика. Им оказался весьма уважаемый старообрядец епископ Амфилохий.

И уже когда стало темнеть, на попутной машине в село прибыл тот самый беспокойный человек, что все время нервно вскакивал с лавки в часы ожидания в доме бабки Ефросиньи.

Одет он был в светлый льняной костюм и шляпу, долго спрашивал у нелюбопытных, сонно позевывающих селян, где находится дом бабки Фени, его дальней родственницы, и, наконец, тоже разыскал избушку. Последний гость в миру носил фамилию Могиленко, выдавал себя за иеромонаха Лазаря, а за свои последующие деяния получивший звучное прозвище «могильщик катакомб».

И вот теперь все семеро путников, освещаемые холодным светом луны, шли за своим проводником по узкой тропинке, ведущей наверх, к темневшему зданию церкви. Не доходя каких-то пятидесяти шагов до ее потрескавшихся стен с облупившейся краской, инок Андрей остановился и, обернувшись к остальным, тихо произнес:

- Осторожно. Здесь ступеньки.

Приоткрыв потайной люк на холмике, поросшем бурьяном, он первым исчез в зияющей пустоте. Через пару минут он, видимо, зажег свечу, потому что жерло люка немного осветилось снизу, и стала видна довольно крепкая лесенка, ведущая в подземелье.

Один за другим, путники осторожно спустились по лесенке. Последним в люк запрыгнул иеромонах Лазарь. На секунду голова его повернулась куда-то по направлению к белевшим колоннам церкви и чуть-чуть кивнула. Хотя, может быть, он просто покачнулся, потому что, лихорадочно схватившись руками за крышку люка, не сразу полез вниз, как бы восстанавливая нарушенное равновесие. Наконец и Лазарь исчез в темной дыре.

Инок Андрей, отдав свечу пятидесятилетнему епископу Кириллу, снова взобрался по лестнице и прислушался, высунув голову из люка. Ничего. Тишина кругом. Слышен слабый плеск лесной речушки, сваливающейся за каменный порожек перед деревянным мостом, да скрежет козодоя на дальнем лугу. Удовлетворенный увиденным и услышанным, инок осторожно закрыл крышку люка и спустился к ожидавшим его монахам.

- Теперь уже скоро, - радостно сообщил он им, зажигая еще одну свечу и направляясь куда-то вправо, - пойдемте, скоро нас должен встретить иеромонах Ферапонт. Вот знак, что ход проверен, - и Андрей указал на крест, начерченный мелом прямо на каменной плитке пола.

Глава шестая. Катакомбная вечеря

До пещеры, где жил иеромонах Ферапонт, дошли благополучно. Он встретил всю группу, как и было условлено, на полпути, помог уставшим от нелегкой ходьбы по подземному коридору старикам взобраться наверх, проводил до пещеры, усадил путников на мягкий лапник и угостил холодным отваром из мелисы лимонной.

Преподобные при входе в пещеру целовали Святой Крест и Евангелие, которые на белом рушнике держал посерьезневший необычайно монах малой схимы Владимир. Поочередно давали клятву, что никому никогда не скажут о Соборике. Монах же в ответ на это выдавал каждому заготовленные листки канона, который после проведения Соборика предполагался быть подписанным его участниками.

Наконец все расселись на лапнике, епископ Владимир, рукоположенный еще самим Андреем Ухтомским и председательствующий на этом Соборике, был почетно усажен Ферапонтом на самодельный невысокий стул. Немного погодя, оглядев присутствующих и прочитав молитву, епископ Владимир открыл собрание.

Сначала все шло своим чередом: преподобный, истинный представитель «андреевцев», с печальным вздохом сообщил о том, что катакомбная иерархия стала катастрофически оску-

девать. Назвал и причины: непрекращающиеся советские репрессии, болезненный процесс смены поколений в ИПЦ, вдовствующие кафедры, ослабление связи между архиереями. Выразил беспокойство о том, что «андреевские» общины, если так пойдет и дальше, скоро окажутся на акефальном положении.

Епископа Владимира горячо поддержал довольно молодой епископ Кирилл, всего сорока восьми лет, который появился в Воздвиженском под видом «грибника». Считая себя истинным «климентовцем», он обнадежил собравшихся, что в критической ситуации «климентовцы» готовы слиться с «Андреевской» ветвью, поскольку никаких особых разногласий у этих направлений нет.

- А нас, поверьте, немало, - гордо заявил он, - более тридцати тысяч. Мы и на Алтае, и в Забайкалье, и в Поволжье, и в Приамурье, много нас, много. И скиты наши надежно укрыты от лишних глаз.

Присутствующие воодушевились. Тут же было отказано в перерукоположении пяти клириков умершего епископа Антония, который за всю жизнь так и не признал Советской Московской Патриархии, а своих монахинь, посетивших «советские» храмы, отлучал на полгода.

Упоминание о епископе Антонии, казалось, всколыхнуло мирное дыхание тайного Соборика. Все задвигались, зашептали.

Старообрядческие епископы Меркурий и Амфилохий строго зашептали наперебой:

- Древлеправославие нужно... Негоже «обнагленцев» к народу допускать. Нужно вернуть матушке-России истинную веру. Подвижники нужны. Нужны страдалцы за веру. Молодые должны идти вперед, не убоившись красного змея!

«Молодые» (Ферапонт и Владимир) распрямили плечи. Глаза их горели. Особенно волновался Владимир, которому впервые доверили организацию тайного Соборика. Он изо всех сил хотел быть хоть чем-то полезным, но говорить при старцах боялся. Поэтому лишь только истово молился про себя, сжимая пальцы рук.

- А если нужна России истинная вера, то ни к чему было на Собор волка в овечьей шкуре пускать, - тихо, но твердо произнес до сих пор молчавший «иосифлянин» епископ Серафим. – Прочь, оборотень!

- Я гонимый священник Катакомбной Церкви! – взвизгнул вдруг тот, на «овечью шкуру» кого намекнул Серафим. – Меня хиротонисал епископ Вениамин! Я в лагерях сидел за веру! – из груди иеромонаха Лазаря вырывались хриплые, клокочущие звуки. Лицо его побагровело, нос хищно изогнулся, и монах Владимир с ужасом припомнил свой давешний сон: филин, стремительно пролетающий над ним и кашляющий ему в самое лицо.

Владимир невольно содрогнулся и с тревогой посмотрел на Ферапонта. Но иеромонах хранил абсолютное спокойствие, и Владимир тут же устыдился своих чувств и заставил себя дышать ровно и медленно.

- Ты, Федя, не шуми, - повелительно взмахнул рукой епископ Владимир на нервически подергивающегося худосочного Лазаря. – Сядь и объясни-ка нам, какую ветвь Катакомбной Церкви ты представляешь.

«Почему Федя?» - мелькнуло в голове у Владимира. Он было снова взглянул на Ферапонта, но тот лишь заговорщически подмигнул ему и тут же снова сделал серьезное лицо.

- Я представляю заграничную ветвь гонимой истинно-православной церкви, - тоненьким голоском пропищал весь красный Лазарь и тихо сел на лапник.

- Дозвольте мне, как участнику всех тайных Собориков, - раздался тихий ровный голос протоиерея Первушина, - призвать собрание к выполнению своей истинной цели. Нам необходимо предать анафеме ересь экуменизма. Поэтому как в экуменизме содержится предательство Христа и отступление от православной веры.

Живого «реликта», как ласково называли Первушина многие катакомбники, слушали, затаив дыхание. Даже Могиленко-Лазарь и тот престал шумно дышать, весь как-то скрючился, сидя в углу и никем не замечаемый.

- Мы должны выразить свой категорический протест желанию екуменистов уравнивать в правах Русскую Православную Церковь с какими-нибудь сектантскими течениями, ведущими к деградации личности.

- Истина! Нельзя позволять Западу превращать православных в звериное стадо бездушных потребителей! – зычно подхватил епископ Меркурий.

- Вспомните слова апостола Павла, – продолжал Первушин, – который говорил: «Разве разделился Христос?» и отвергал всех тех, кто рвался к церковной благодати под чужими знаменами.

Епископ Владимир откашлялся и предложил принять анафематствование ереси екуменизма.

Приняли единогласно. Затем, в качестве завершающего процесса Соборика были преданы анафеме «сериане» как безбожники, а также лично советский «Патриарх», вступивший в сговор с коммунистами.

Когда Владимир и Ферапонт обходили сидящих, собирая подписи под заявлениями, из лесу послышался крик совы. Ферапонт, словно зачарованный, остановился и, передав бумаги Владимиру, вышел из пещеры.

Ночь уже отползла на запад, приоткрыв на востоке нежно-розовую полосу занимающейся зари.

«Странно, – подумал иеромонах, – совы-то уже кричать не должны, почти светло уже».

Внезапно где-то справа послышался хруст ветки. Ферапонт одним миготом очутился снова в пещере, схватил за руку Владимира и прошептал:

- Нас предали. Облава. Уводи преподобных по подземелью. Лазаря я беру на себя.

Дальнейшее Владимир помнил с трудом. Вроде бы Ферапонт набросился, что есть силы на Могиленко. Тот тихонько взвизгнул, но рухнул, как подкошенный, на лапник под ударом тяжелого кулачища иеромонаха.

- Святые отцы, – срывающимся шепотом пробормотал Владимир, – нас окружают. Срочно выбирайтесь вслед за мной.

Кажется, он помогал закачавшемуся епископу Владимиру подняться на ноги, быстро начал выводить одного за другим архиереев из пещеры и кинулся в ивняк. Старцы, еле поспевая за ним, бесшумно скрылись в буреломе.

И вдруг они услышали отчаянный крик:

- Спасайся, братья! За Русь Православную! Не посраим земли русской!

Это был голос иеромонаха Ферапонта. Он, отвлекая внимание преследователей от перепуганных насмерть епископов, понесся в противоположную сторону от заветного люка, хрустко ломая ветки и неистово крича.

Скоро послышались редкие выстрелы и крики: «Стой!»

Думать было некогда. Дрожащий от нервного возбуждения Владимир помог старцам спуститься в довольно узкий лаз в подземелье. Там их принимали буквально на руки еще крепкий епископ Кирилл и инок Андрей.

Лазарь-Могиленко остался лежать без движения в пещере. Люк захлопнулся. Под землей воцарилась полная темнота и стало тихо-тихо.

- Не волнуйтесь, преподобные, – прервал тишину инок Владимир. Дрожащими руками он принялся зажигать огарок свечи, оставшийся у него в кармане. – Пока Лазарь не встанет, нас здесь никто не найдет. Пойдемте же скорее, я провожу вас к запасному выходу. Ферапонт мне показал его специально для такого случая.

В полном молчании, крестясь и опираясь руками на земляные стены, процессия шествовала в полутьме примерно полчаса. Никаких звуков сверху слышно не было. Да и не могло быть слышно. Ведь подземный ход был вырыт на совесть, метра три-четыре под землей.

Осторожно приоткрыв люк запасного хода, Владимир осмотрелся по сторонам. Уже совсем рассвело. Начinalи петь лесные птицы, беззаботно перелетая с ветки на ветку. «Вот и нам бы так, - подумалось вдруг Владимиру, – как было бы славно».

Выведя своих подопечных из подземелья, Владимир помог им снять рясы, указал, в каком направлении безопаснее всего выйти к дальней железнодорожной станции, и попросил идти не всем вместе, а разделиться на отдельные группы, чтобы не вызывать подозрений.

Епископ Владимир сердечно поблагодарил своего молодого тезку за помощь и отвагу, потом, подождав, пока остальные разойдутся, тихо наклонился к нему и что-то вложил в его горячую руку.

- Сын мой, отдаю тебе на сохранение реликвию Русской Истинно-Православной Церкви. Это духовное завещание последнего русского Патриарха Тихона. Его удалось спрятать от большевиков. До сих пор его хранил я. Но теперь вижу, что силы мои уже не те. А ты молод, горяч, отважен. Можешь считать, что в этом и есть подвиг всей твоей жизни. Придет время – и все узнают правду. Теперь в твоей руке судьба всей православной России-матушки, а ты станешь Хранителем Великой Тайны! Да хранит тебя Господь Всемогуший! – и епископ Владимир перекрестил монаха малой схимы и, поцеловав его в щеку, исчез за деревьями.

Что-то холодное осталось лежать в руке Владимира. Он не сразу сумел раскрыть ладонь – так сильно сжал ее от нервного напряжения. Наконец, сделав два-три глубоких вдоха, Владимир сумел разжать пальцы и увидел, что на его ладони лежит серебристо-стальная гильзочка. Нет, капсула, поправил сам себя монах и посмотрел в бездонное голубое утреннее небо.

Господь Всемогуший! Не оставь меня, раба твоего! Помоги сохранить реликвию российскую!

Владимир решил было прочесть молитву, как вдруг где-то слева раздалось тяжелое дыхание, и на полянку выскочил какой-то краснощекий высокий парень. Он секунду таращил свои серо-голубые глаза на монаха, потом неожиданно наставил на него револьвер и радостно заорал:

- Вот он! Стой! Стрелять буду!

Владимир, снова сжав в руке капсулу так, что аж пальцы захрустели, присел и, петляя, словно заяц, кинулся в кусты орешника. Его хлестали по лицу ветки, руки обжигала крапива, но Владимир несея, словно у него вдруг выросли крылья. Сигая направо-налево, он смог немного оторваться от яростно ругающегося преследователя. Наконец ему даже удалось увеличить расстояние между ними метров на пятьдесят. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди Владимира, не привыкшего к подобному марафону. Глазами он искал спасения и молился. Преследователь снова сопел уже где-то рядом, под его ногами трещали сломанные ветки и сучья.

«Не оставь меня, Господи!» - мысленно крикнул Владимир, задыхаясь от быстрого бега. И неожиданно споткнулся, и упал. Решив, что он не оправдал надежд епископа Владимира, монах завыл от бессилия и стыда. Внезапно глаза его остановились на одном из корней могучей сосны. Владимир сам не понял, почему пальцы его схватились именно за этот корешок. Но тут же его осенило: Господь помог! Услышал молитвы! В корешке с внутренней стороны имелось небольшое углубление, выщербленное лесным жучком, а может, и изъеденное временем.

Монах тут же, не раздумывая, засунул туда капсулу. Она, словно это место было специально приурочено для нее, аккуратнейшим образом легла в углубление и ни с какой стороны не просматривалась взглядом.

- Спасибо тебе, Господи! – с облегчением и каким-то радостным самоотречением произнес Владимир и встал на ноги. Сильные руки тут же подхватили его, кто-то стукнул по затылку и монах потерял сознание.

Очнулся монах малой схимы Владимир уже в микроавтобусе, на котором его везли хмурые, молчаливые мужики в коричневых и серых костюмах-двойках. На полу лежал какой-то куль, накрытый рогожей. Внезапно Владимир увидел прядь рыжих жестких волос, выбившуюся из-под рогожи. Часть пряди была в крови. Сердце его застыло. «Ферапонта убили», – сами собой пронеслись в его голове страшные слова. Поневоле он вздрогнул, вспоминая недавние жуткие события.

- Очнулся, красавец? – злорадно поинтересовался краснощекий, и Владимир узнал своего преследователя. – А как от меня припустил! Еле догнал, мерзавца, – улыбнулся тот своим товарищам. – Но от Андрюхи-рыжего еще никто живым не уходил. – И он залиvistо заржал, сильно пихнув при этом в спину Владимира.

Часть вторая. 1996 год

Глава первая. Тревожные сны

Радуга возникла столь внезапно, что Настя даже вздрогнула от восхищения.

Настя Михайлова, тридцатидвухлетняя москвичка, возвращалась с работы на дачу. Попутки не встретилось, а рейсовый автобус высадил всех на предпоследней остановке, в одной из деревень. Водитель, мужчина средних лет с пропитым лицом, сказал, что бензина у него хватит лишь до бензоколонки, поэтому дальше он не поедет.

Люди повздыхали, поохали, но ничего не поделаешь, пришлось вылезать на раскаленный июльским солнцем асфальт и, подхватив тяжелые сумки с продуктами, идти пехом по пыльной проселочной дороге.

Настина деревня была самой последней, поэтому уже через полчаса она осталась одна – все бывшие пассажиры автобуса разбрелись по домам. Девушка не боялась идти меж лугов и перелесков – каждый метр этой дороги был ей знаком с детства; скорее наоборот, завидев вдали какого-нибудь незнакомого человека, она сама бы прыгнула в лес, чтобы остаться незамеченной.

Скоро на небе появилась серо-черная туча, закрыла собой солнце, и, не успела Настя обрадоваться, что жара спала, как крупные капли дождя вымочили ее всю. От неожиданности она не успела укрыться под большой корявый дуб, стоящий на повороте, и теперь стояла на дороге, беспомощно озираясь: дождь был такой силы, что видимость вокруг снизилась до метра.

Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Отряхнув с волос капли и выкрутив промокшую насквозь юбку, девушка разогнулась и ахнула от изумления: над полем, словно по мановению волшебной палочки, раскинулась двойная радуга. Настя загадала желание, прося радугу исполнить его как можно скорее. Потом улыбнулась, сама, не зная, чему, и бодро зашагала по дороге. Когда она дошла до мостика, нависшего над небольшой лесной речушкой, обернулась – радуга исчезла.

«Надеюсь, ты успела запомнить мое желание, – улыбнулась Настя, думая о радуге, – иначе я уж и не знаю, кто мне тогда поможет».

Желание Настя загадала не случайно. С некоторых пор в ее довольно безоблачную и спокойно-размеренную жизнь ворвалось нечто, что мешало ей чувствовать себя комфортно.

С пугающей регулярностью – два раза в месяц – ей снился один и тот же сон. Будто бы находится она в каком-то незнакомом лесу. Поют птицы, солнце играет на ветках деревьев. Кругом растут сказочно красивые цветы. Настя стоит возле какого-то высокого дерева, то ли сосны, то ли огромной елки и любуется природой.

Внезапно на сердце у нее становится очень тревожно. Птичий гомон растворяется в сильных порывах ветра. Слышны раскаты грома. И откуда-то из чащи к ней начинает приближаться неясный силуэт. Кто-то в черном. Вот он уже почти совсем близко. На нем длиннополая монашеская ряса, на голове клобук, но самого лица не видно – лишь смутные, неясные очертания.

Настя всматривается в огромный золотой крест у него на груди и отчетливо слышит слова, идущие словно из самого креста: «Ты должна помочь! Отвези в монастырь святыню. Ты должна помочь!» Далее голос монаха становился таким громким, что обычно Настя сильно вскрикивала во сне и просыпалась.

Никто из ее родных или знакомых не мог объяснить, что бы мог означать подобный сон. Мама посоветовала сходить в церковь, рассказать о своем сне батюшке, может, и поможет.

Подруги шептали ей, что необходимо посетить какого-нибудь экстрасенса и попить валерианки. Муж Насти, Антон сильно переживал за нее, но ничего дельного посоветовать не мог и лишь разводил руками: мол, пройдет, рассосется само собой.

Но сон не желал "рассасываться" и продолжал мучить Настю с завидным постоянством.

Постепенно Настя перестала пугаться монаха и даже пыталась как-то вступить с ним в контакт. Она хотела спросить его, какую святыню она должна отвезти в монастырь, но, увы, каждый раз лишь разевала рот, словно рыба, выброшенная на берег – никаких звуков не могла, как ни старалась, она исторгнуть из своей измученной груди. Монах же по-прежнему настойчиво требовал от Насти свершения какого-то загадочного для нее подвига.

Поняв, что так скоро недалеко и до сумасшедшего дома докатиться, Настя начала действовать. Сначала, конечно, пошла к экстрасенсу. Косматый здоровенный детина в огромном длиннополом платье долго махал перед ее лицом руками, жег свечи, восточные ароматизированные палочки, говорил о каком-то давнем грехе перед близким человеком. Мол, теперь нужно искупить его воздержанием и самоотречением. А главное – пожертвованием на лечение страждущих. После внушительного пожертвования сказал, что почти что «снял» с нее наваждение, успокоил и проводил до дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.